

*Моему брату Карлу,
который погиб 5 сентября 1965 года,
спасая тонувших в море женщин*

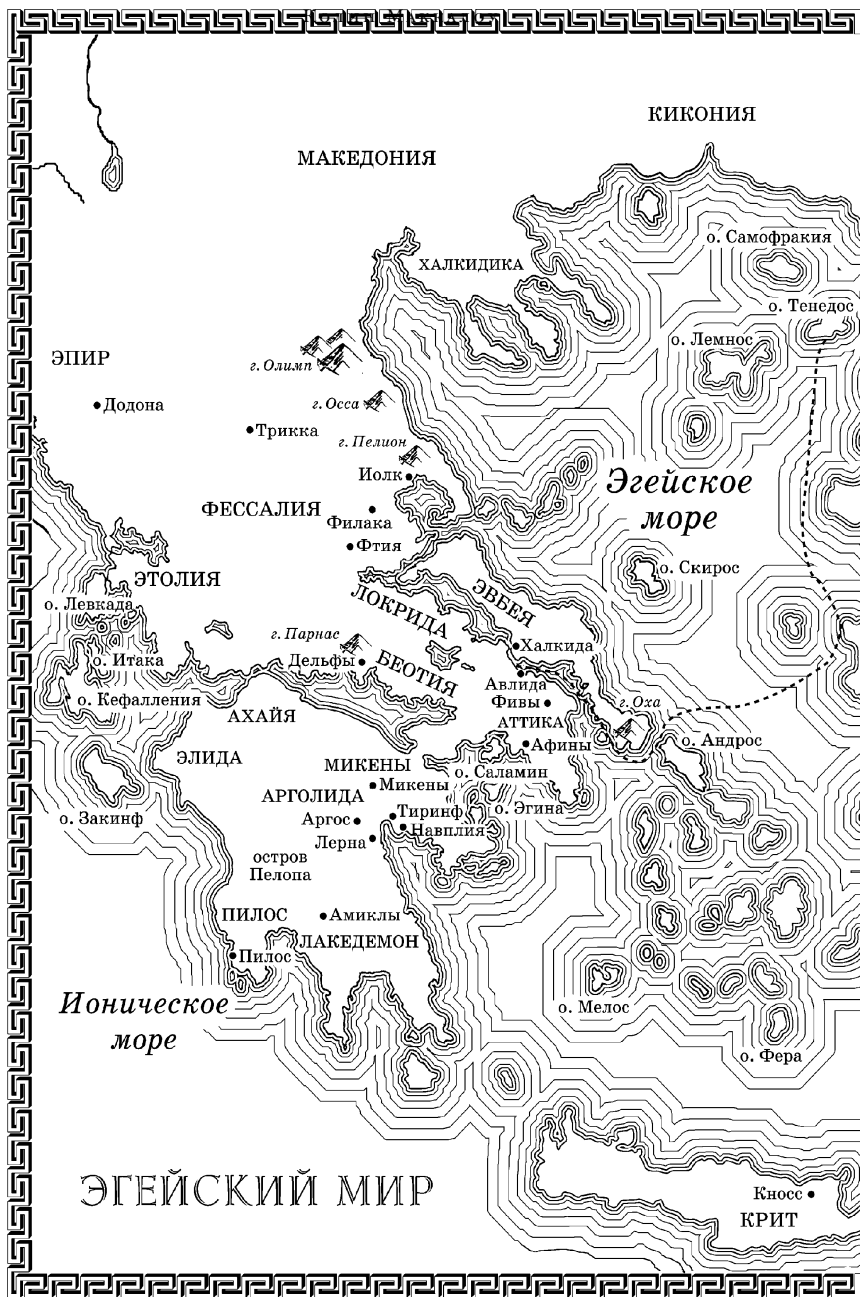
Все у него, и у мертвого, что ни открыто,
прекрасно!

Гомер. Илиада. Песнь 22¹.

¹ Пер. Н. Гнедича.

МИР ПЕРИОДА
ТРОЯНСКОЙ
ВОЙНЫ

Глава первая (рассказанная Приамом)

Ни одному городу не сравниться с Троей. Молодой жрец Калхант, в пору ученичества посланный в египетские Фивы, вернувшись, не мог скрыть своего разочарования пирамидами, которые стоят вдоль западного берега Реки Жизни. По его словам, превосходство Трои было бесспорным, ведь она вздымалась выше пирамид и ее постройки предназначались для живых, а не для мертвецов. Лишь одно обстоятельство могло оправдать египтян — их боги не отличались особым могуществом. Египтяне двигали камни руками смертных, тогда как могучие стены Трои возвели сами боги. Вавилон Калхант назвал карликом, увязшим в речной тине, — его стены похожи на плод детской забавы и с Троей ему бессмысленно тягаться.

Никто не помнит, когда были построены наши стены: так давно это было, — но каждый знает легенду о них. Дардан (сын царя богов Зевса) завладел квадратным полуостровом в самой верхней части Малой Азии, где с севера воды Понта Эвксинского вливаются в Эгейское море через узкий пролив Геллеспонт. Это новое царство Дардан разделил на две части. Южную он отдал своему второму сыну, который нарек свои владения Дарданией и устроил столицу в Лирнессе. Пусть и меньшая по размеру, северная часть была намного богаче благодаря возложенной на нее обязанности охранять Геллеспонт

и праву взимать налог с торговцев, покидавших пределы Понта Эвксинского или возвращавшихся обратно. Эта часть получила имя Трояда. А на Троянском холме стоит Троя, ее столица.

Зевс любил своего смертного сына, поэтому, когда Дардан попросил у божественного отца нерушимые стены для Трои, был рад выполнить эту просьбу. В то время двое из богов были у него в немилости: Посейдон, владыка морей, и Аполлон, повелитель света. Им было приказано отправиться в Трою и построить самый высокий, широкий и крепкий крепостной вал в ойкумене¹.

Утонченный и привередливый Аполлон счел это не совсем подходящим для себя занятием и предпочел играть на лире, нежели копаться в грязи и покрываться потом, — легковерному же Посейдону он объяснил, будто помогает времени течь, пока растут стены. Поэтому Посейдон клал камни, а Аполлон услаждал его слух музыкой.

Посейдон работал за плату — вечную дань в сто талантов золота, которые должны были выплачиваться ежегодно его храму в Лирнессе. Царь Дардан согласился. С тех незапамятных времен сто талантов золота ежегодно посылались в храм Посейдона. Но вскоре после того, как троянский трон перешел к Лаомедонту, моему отцу, случилось землетрясение такой силы, что разрушило дворец царя Миноса на Крите и стерло с лица земли царство острова Тера. Наша западная стена обвалилась, и отец нанял инженера-ахейца Эака, чтобы отстроить ее заново.

Эак поработал на славу, хотя вновь построенная им стена и не могла сравниться по гладкости и красоте с остальной частью крепостного вала, возведенного богом.

¹ О й к у м е н а — общее название границ обитаемого мира. — *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Договор с Посейдоном (Аполлон не снизошел до того, чтобы требовать плату за свои музыкальные упражнения), по словам отца, утратил силу: стены оказались вовсе не такими уж прочными, — поэтому он решил, что ежегодную дань в сто талантов золота храму Посейдона в Лирнессе он больше платить не будет. Никогда. Внешне этот довод казался вполне справедливым, если бы не одно «но». Боги наверняка знали то, что знал даже я, мальчишка: царь Лаомедонт был неисправимым скупцом и всегда негодовал при мысли о том, сколько драгоценного троянского золота отправляется в храм, стоящий в городе, которым правила династия родственников-соперников.

Так или иначе, платить дань перестали, и ничего не произошло за все те годы, которые понадобились мне, чтобы превратиться из мальчишка в зрелого мужа.

Поэтому, когда пришел лев, никто не связал его появление с оскорбленными богами или городскими стенами.

К югу от Трои, на зеленой равнине, находился конный завод отца — его единственная забава, — но даже забава должна была приносить царю Лаомедонту прибыль. Некоторое время после того, как ахеец Эак отстроил заново западную стену, в Трою пришел путник из такой далекой страны, что нам ничего не было о ней известно, кроме того, что горы там подпирают небо, а трава самая сладкая в ойкумене. С собой путник привел десять коней — трех жеребцов и семь кобыл. Никогда прежде не видали мы таких коней — высоких, быстрых, грациозных, с длинными гривами и пышными хвостами, с симпатичными мордами, спокойных и послушных. Они словно были созданы для колесницы! Стоило отцу бросить на них взгляд, и судьба путника была решена. Он умер, а кони его перешли в собственность царя Трои. И он вывел из них породу настолько знаменитую, что торговцы со всей ойкумены приезжали покупать кобыл

и меринов, — отец был слишком умен, чтобы продать хоть одного жеребца.

Равнину, предназначенную для конского пастбища, делила надвое старая, имеющая дурную славу тропа, по которой когда-то львы уходили на лето из Малой Азии на север, в Скифию, и возвращались зимовать обратно на юг, в Карию и Ликию, где солнце сохраняло достаточно силы, чтобы греть их темно-желтую шкуру. Охотники истребили львов, и львиная тропа превратилась в тропу к водою.

Шесть лет назад в город прибежали селяне, мертвенно-бледные от ужаса. Я никогда не забуду выражения лица моего отца, когда они сказали ему, что три его лучшие кобылы мертвы и один жеребец искалечен — все стали жертвами льва.

Не таким человеком был Лаомедонт, чтобы дать волю бездумному гневу. Сдержанным тоном он приказал отряду дворцовой стражи встать на тропе, когда снова придет весна, и убить чудовище.

Это был не простой лев! Каждую весну и осень проходил он по тропе — так незаметно, что никто его не видел, — и убивал добычи намного больше, чем могло вместить его брюхо. Он убивал из любви к убийству. Два года спустя после его появления стража увидела его, когда он напал на жеребца. Они пошли ему наперерез, стуча мечами о щиты, намереваясь загнать его в угол и забить копьями, но лев с ревом встал на дыбы, бросился на стражников и прорвался сквозь их ряды, словно валун, который катится под откос. Они бросились врассыпную, и царственный хищник убил семерых, а сам целым и невредимым продолжил свой путь.

Но из этой беды вышла только польза. Один из пострадавших от когтей стражников выжил и отправился к жрецам. Он рассказал Калханту, что лев носит на теле метку Посейдона: на его светлом боку проступал черный трезубец. Калхант тут же обратился к оракулу

и объявил, что лев принадлежит Посейдону. «Горе тому троянцу, который поднимет на него руку!» — воскликнул Калхонт, ибо лев послан Трое в наказание за то, что она отказалась платить владыке морей ежегодную дань в сто талантов золота. И он не уйдет, пока выплата дани не возобновится.

Вначале отец оставил слова Калханта и предсказание оракула без внимания. Осенью он снова приказал дворцовой страже убить чудовище. Но царь недооценил страх, который внушают простому человеку боги: даже под угрозой казни стражники отказались выполнить приказ. Сдерживая ярость, царь сообщил Калханту, что не будет посылать троянское золото в дарданийский Лирнесс — пусть жрецы предложат другой выкуп. Калхонт снова обратился к оракулу, который прямо заявил, что это возможно. Если каждую весну и осень шесть девственниц, выбранных по жребию, будут прикованы на пастбище на съедение льву, Посейдон будет удовлетворен — на какое-то время.

Естественно, царь предпочел отдавать богу девственниц вместо золота, и новый план привели в исполнение. Он никогда по-настоящему не доверял жрецам, и не потому, что был святотатцем — он отдавал богам сполна то, что, как он полагал, им причиталось, — а потому, что ненавидел терять деньги. Поэтому каждую весну и осень всех дев, достигших пятнадцатилетнего возраста, закутывали с головы до ног в белый саван, чтобы их нельзя было узнать, и выстраивали на внутреннем дворе Посейдона, воздвигателя стен, где жрецы выбирали в жертву шесть безымянных белых коконов.

Уловка сработала. Дважды в год лев проходил по тропе, убивал дрожащих, закованных в цепи дев и оставлял лошадей нетронутыми — ничтожная плата за спасенную гордость царя Лаомедонта и сохранение дела, приносившего ему прибыль.